

- А-а-а! Нет, пап, я не хочу! Я не буду купаться! – кричал белобрысый малыш, которого его отец пытался погрузить в ванную полную мыльных пузырей.

- Ну, давай же, Дастичек, это просто ванная, вот смотри твоя любимая игрушка, - умолял отец своего сына успокоиться, показывая ему игрушку - резиновую жабу.

- Нет! Нет! НЕТ! Я уже мылся, папа!

- Это было два дня назад, Даста, а вчера ты прятался под кроватью, но сегодня уж я точно тебя искупаю, ну что за капризы...

Отец прервал свои уговоры и разинул рот.

«Ну нет, ну, пожалуйста, нет...» - мысленно умолял испуганный отец.

А в это время малыш стал надуваться, как мыльный пузырь, и поднялся так высоко, что казалось, он вот-вот ударится о светильник и сдуется.

Дадли словно током ударило. Жуткие воспоминания из детства, когда мама и папа нервно кричат, суетятся, пытаюсь исправить то, что натворил его странный кузен Гарри. Он вроде как надул его тётушку Мардж.

Но всю свою жизнь Дадли старался не думать о всяких таких вещах. Он не понимал до конца, что же происходило в их семье, почему его тетушка улетела, будто надутый пузырь, что это за болезнь с ним была, когда у него внезапно появилось что-то наподобие хвоста, что за жуткая тварь чуть не убила его однажды летом, и самое главное, как все это было связано с его кузеном Гарри.

Родители никогда ему толком не объясняли, что же не так с его кузеном, и почему вокруг их семьи происходят непонятные события.

С возрастом Дадли стал понимать, что Гарри вроде бы никогда не делал ничего особенно плохого, в любом случае ничего такого, за что его нужно было держать в чулане для швабр. Он уяснил одно, что все это как-то было связано с родителями Гарри, что сам Гарри, как и его папа и мама, не совсем обычные люди, вернее сказать совсем не обычные. Но вот, что все это значит, Дадли так и не удалось узнать.

И вот сейчас... он видел картину очень уж похожую на ту, из его детства, только теперь его собственный сын парил под потолком...

Ах нет... да вот же он уже сидит на стульчике укутанный в огромное зеленое полотенце и улыбается ему во весь рот, радуясь, что провел отца и так и не влез в мокрую ванну.

Дадли медленно приходил в себя, и решил пока отложить с купанием, тем более что вода уже и так остыла.

Неужели всё-таки... да нет, ну не может быть... хотя...

Дадли вспомнил, как на третьем году жизни малыша Даста, он хотел накормить его, судя по оценке орущего карапуза, ужаснейшим тыквенным пюре, но когда малыш успокоился и решительно начал поедать пюре, то Дадли сам решил попробовать ложечку. И каково же было его удивление, когда в баночке оказалось эскимо.

Тогда Дадли не придавал этому значения и подумал, что либо производители что-то напутали, либо он сам по ошибке положил в эту баночку эскимо и забыл.

А вот еще случай... Малышу было четыре и ему только что подарили самокат. Отличная вещь, но явно не рассчитанная на вес Дастика, который, как и папа, очень любил вкусно поужинать, а лучше всего - несколько раз. И вот когда Дастичек впервые оторвавшись от отца, покатился на самокате сам, дно самоката хрустнуло и малыш бы точно упал и сильно ушибся, если бы в этот момент дно самоката не соединилось само по себе и мало того, самокат поднялся сантиметров на десять от земли и, пролетев несколько метров, плавно приземлился на газон.

Тогда Дадли решил, что, скорее всего, ему просто показалось, что самокат сломался, а пролетел он, наверное, потому что, его сыночек так здорово разогнался, что самокат просто подпрыгнул на камне и приземлился на траву. Ничего особенного... ведь так?

Вообще-то его сын был совершенно нормальным ребенком, чему не могли не порадоваться его бабушка с дедушкой.

Дастину было уже шесть, но он был совсем не высокого роста, а благодаря привычке хорошо покушать, он был слегка полноват. Светлые прямые волосы всегда аккуратно укладывались родителями малыша, и, казалось, были идеального пшеничного цвета. Но стоило Дастике начать капризничать, как у него прямо на лбу одна прядь волос становилась огненно-рыжей. Возможно это игра света? Или на солнце выгорело? Ведь среди родственников Дастика не было никого рыжего. Или был?

Мама Дадли, Петунья Дурсль (в девичестве Эванс), никогда ничего не рассказывала о своей семье, в которой она жила до замужества. Понятно, что у нее была сестра, мама, папа, но вот как они выглядели, и был ли среди них кто-то рыжий, Дадли было неизвестно.

Особенностью внешности Дастина были глаза. Очень примечательной формы, слегка зауженные, миндалевидные, очень яркого зеленого цвета.

Это было очень красиво, но, к удивлению матери Дастина, это почему-то слегка расстраивало его отца. Особенно когда малыш иногда серьезным задумчивым взглядом смотрел на своего папу, будто хотел ему сказать что-то очень важное или отругать.

Семья Дурслей, во главе с Дадли, жила в том же городке Литтл Уингинг графства Суррей по улице Глициний, совсем недалеко от дома бабушки и дедушки Дастика. Жена Дадли, симпатичная молодая женщина, стройная, с каштановыми волосами, была из приличной семьи, и очень выделялась на фоне остальных Дурслей. Соседи удивлялись, как же она смогла полюбить этого Дурсля? Звали ее Деррил Дурсль (в девичестве Финниган).

Но на удивление всех, семья их жила хорошо, даже слишком... нормально.